

Редакційна колегія:

О. Б. Бубенок (головний редактор), доктор іст. наук, ст. наук. співр.
В. С. Аксьонов, канд. іст. наук
К. В. Бондар (відп. секретар), канд. філол. наук
О. Б. Головка, доктор іст. наук, ст. наук. співр.
Ю. М. Кочубей, канд. філол. наук, ст. наук. співр.
В. Я. Петрухін, доктор іст. наук, професор
А. В. Скоробогатов, доктор іст. наук, доцент
С. Б. Сорочан, доктор іст. наук, професор
О. О. Тортіка (заступник головного редактора), доктор іст. наук, доцент
О. І. Уткін, доктор іст. наук, професор
В. С. Фльоров, канд. іст. наук, ст. наук. співр.
О. О. Хамрай, докт. філол. наук, ст. наук. співр.

Склад редколегії затверджено на засіданні Вченої ради Інституту сходознавства ім. А. Кримського НАН України 26 жовтня 2010 р. (протокол № 4), 27 січня 2011 р. (протокол №1) та Вченої ради Міжнародного Соломонового університету 27 вересня 2011 р. (протокол № 8).

Затверджено до друку Вченою радою Інституту сходознавства ім. А. Кримського НАН України 29 листопада 2012 р. (протокол № 7), та Вченою радою Міжнародного Соломонового університету 21 грудня 2012 р. (протокол № 5).

Хазарский альманах / Ред. кол.: О. Б. Бубенок (гол. ред), В. С. Аксьонов та інш.
— Харків, 2012-2013. — Т. 11. — 242 с.

(Свідоцтво про державну реєстрацію: серія КВ, № 14552-3523р від 02.10.2008)

Том містить статті і розвідки з історії, археології, культури середньовічної Хозарії, Криму, Кавказу, Давньої Русі у контексті соціально-економічних та історико-культурних процесів та взаємодії цивілізацій.

Одинадцятий том присвячено 75-річному ювілею першого головного редактора "Хозарского альманаху", заслуженого діяча науки та техніки України, доктора історичних наук, професора Володимира Кузьмича Міхеєва.

ISBN 978-966-1536-78-3

© Інститут сходознавства ім. А. Кримського НАНУ, 2012-2013

© Міжнародний центр хозарознавства
Східноукраїнської філії МСУ, 2012-2013

К ВОПРОСУ О ПОВТОРНОМ ПРОНИКНОВЕНИИ В КАТАКОМБНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДЦОВЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЕРХНЕ- САЛТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА).

В последнее время вышло ряд работ, которые подвергают сомнению гипотезу В.С. Флёрова о существовании у аланского населения Подонцовья обряда обезвреживания погребенных [Флёров 2000; Флёров 2007]. Наиболее ревностным противником данной гипотезы является Г.Е. Афанасьев [Афанасьев 2010, с. 63 – 64; Афанасьев 2012, с. 113 – 126]. Проанализировав материалы Маяцкого могильника, исследователь пришел к выводу, что проникновения в катакомбы осуществлялось с целью изъятия металлоёмких предметов, т.е. связано с ограблением умерших [Афанасьев 2010, с. 64; Афанасьев 2012, с. 124]. Более осторожен в своих высказываниях харьковский исследователь А.А. Лаптев, который рассматривал материалы Верхне-Салтовского IV могильника [Лаптев 2012, с. 47 – 53]. Комплекс аргументов представленных данными исследователями позволяет развернуть дискуссию, которая даст возможность, по-видимому, приблизиться к объяснению присутствия на салтовских катакомбных могильниках захоронений с разрушенными человеческими костяками.

Для начала следует обратить внимание на присутствие в заполнении дромоса катакомбных захоронений «двух массивов заполнения» [Флёров 1984, с. 142 – 199; Флёров 1990, с. 140 – 191; Флёров 1993, с. 4 – 142]. В.С. Флёров первый массив грунта заполнения связывает с первичным погребением, второй, по его мнению, образовался уже после преднамеренного повторного проникновения в погребальную камеру. Данное мнение разделяет и автор данной статьи [Аксёнов 2002, с. 98, 99]. Г.Е. Афанасьев такую трактовку вторичного заполнения дромоса, располагавшуюся в конце дромоса, где располагалась погребальная камера,

называет спорной [Афанасьев 2012, с. 114]. При этом, не приводя конкретных примеров, исследователь заявляет, что «существует представительная выборка наблюдений, когда вторичный «раскоп» не доходил до места расположения скелета и, несмотря на это, анатомический порядок скелета все же нарушен» [Афанасьев 2012, с. 114]. Наши же наблюдения на Верхне-Салтовском и Рубежанском могильниках, показывают, что в наличие так называемого хода повторного проникновения в погребальную камеру, соответствующего вторичному заполнению дромоса, согласуется с присутствием в погребальной камере более или менее разрушенных человеческих костяков [Аксёнов 2002, с. 98 – 114]. Работы последних лет на Верхне-Салтовском IV могильнике только подтверждают это.

В качестве наиболее наглядного примера можно привести катакомбу № 109 (раскопки 2011 года). Пятно дромоса на уровне его обнаружения имело в плане «булавовидную» форму, из-за наличия в восточной части дромоса хода повторного проникновения в погребальную камеру (Рис. 1). Пятно дромоса было ориентировано по склону Нетечинского яра, вдоль линии восток – запад с незначительным отклонением к северу (азимут 86°). Общая длина пятна дромоса по уровню зачистки составляла 5,75 м. Ход повторного проникновения имел в плане каплевидную форму с наибольшим расширением ближе к восточному краю дромоса. Длина хода повторного проникновения составляла 2,12 м, максимальная ширина – 1,35. Длина начальной, не потревоженной позднейшими перекопами западной части дромоса равнялась 3,63 м, при ширине 0,38 – 0,52 м. Заполнение начальной части дромоса по цвету почти не отличалось от окружающего материка, так как оно состояло из материковой глины светло-рыжего цвета с незначительными примесями в виде отдельных мелких меловых вкраплений. Заполнение же хода повторного проникновения, наоборот, достаточно хорошо выделялось на фоне окружающего материка своим светло-серым, а местами и темно-серым заполнением. В поперечном разрезе заполнение хода повторного проникновения представляло слоистую структуру, образованную чередующимися между собой пластами чистой материковой глины светло/тёмно-

---

* Из-за разной примеси чернозема цвет одних слоев был светло-серый, других – темно-серый, и даже черный.

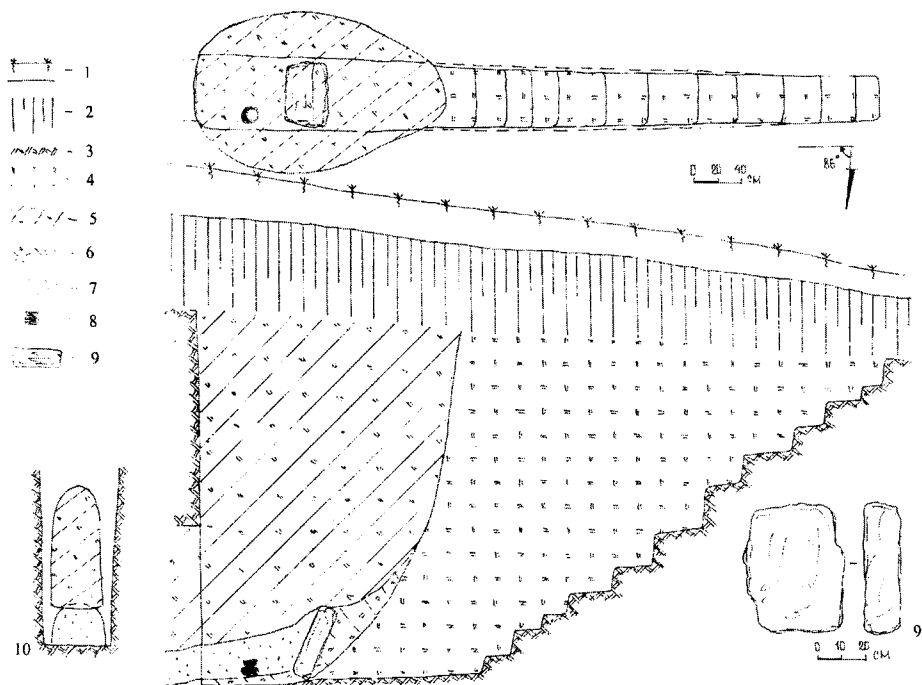

Рис. 1. Дромос катакомбы № 109:

1 – дерн, 2 – чернозем, 3 – материк (глина), 4 – первоначальное заполнение дромоса, 5, 6 – слоистое заполнение хода повторного проникновения в погребальную камеру, 7 – светло-зеленая глина, 8 – кружка, 9 – каменный заклад, 10 – входы-лазы (№ 1 и № 2) в погребальную камеру.

рыжего цвета, пластами материковой глины перемешанной в одних случаях с большим, в других – с меньшим количеством чернозема*. В слоях заполнения, содержавших примесь чернозема, встречались отдельные мелкие древесные угольки. Все слои заполнения хода повторного проникновения в погребальную камеру в поперечном сечении имели видимый прогиб в сторону дна дромоса, а в продольном разрезе – наклон в сторону восточной торцевой стенки дромоса. При этом по толщине слоев заполнения хода повторного проникновения в камеру было видно, что он засыпался с южной стороны дромоса (справа по ходу дромоса). Особенностью заполнения хода повторного проникновения в данном случае было то, что на глубине -3,6 – 4,0 м от уровня современной поверхности почвы у восточной торцевой стенки дромоса был зафиксирован пласт светло-зеленой комковатой глины толщиной 0,3 – 0,35 м. Данный пласт грунта перекрывал расстояние между отброшенным от входа в камеру на дно входа повторного проникновения каменным закладом** и восточной торцевой стенкой дромоса. Камень заклада опирался на останец заполнения хода повторного проникновения в камеру, представляющего собой буро-рыжую материковую глину с незначительной примесью чернозема. Такой же по составу слой грунта (толщиной 0,05 – 0,12 м) лежал на дне дромоса между каменным закладом и восточной торцевой стенкой, непосредственно под слоем светло-зеленой глины. На слое буро-рыжей материковой глины с незначительной примесью чернозема, у северной боковой стенки дромоса на расстоянии 0,35 м от торцевой стенки была найдена стоявшая устьем вверх салтовская кружка (-4,05 м от уровня современной поверхности почвы) (Рис. 2: 27). Вероятно, она была извлечена из погребальной камеры в ходе проведения каких-то постпогребальных действий, и оказалась засыпанной светло-зеленой глиной. Таким образом, дно дромоса перед входом в погребальную камеру фиксировалось на глубине -4,1 м от уровня современной поверхности почвы. Ширина дромоса в этом месте составляла по дну 0,56 м.

В восточной торцевой стенки дромоса четко читались два входа-лаза в погребальную камеру: верхний (№ 2) и нижний (№ 1) (Рис.

** Каменный заклад представлял собой массивную плиту песчаника подпрямоугольной в плане формы размером 0,56 x 0,35 – 0,42 x 0,15 – 0,16 м (Рис. 2: 9). Каменный заклад стоял под углом около 70° по отношению к дну дромоса.

1: 10). Нижний (№ 1) был забутован светло-зеленой комковатой глиной. Он имел арковидную в плане форму, его дно совпадало с дном дромоса. Его размеры: высота 0,34 м, ширина 0,44 м. От северной боковой стенки дромоса он отстоял на расстоянии в 7 см, от южной боковой – на расстоянии 3 см. Верхнюю часть входа № 1 прорезал вход № 2. Его дно располагалось на высоте +0,32 м от дна дромоса. Заполнение этого входа в камеру, в отличие от заполнения входа № 1, состояло из темно-коричневой материковой глины с незначительной примесью чернозема. Вход № 2 так же имел арковидную в плане форму, но отличался от входа № 1 своими размерами. Его высота составляла 1,03 м, а ширина 0,42 м. Данный вход находился на расстоянии в 7 см от северной и южной боковых стенок дромоса. Глубина обоих входов-лазов погребальную камеру составляла 0,45 – 0,47 м. Интересно, что заполнение нижних слоев хода повторного проникновения в погребальную камеру совпадало со специфическим заполнением входов-лазов № 1 и № 2.

Оба входа вели в погребальную камеру, которая была продольной и имела в плане форму подпрямоугольника с закругленными углами (Рис. 2: 1). Длина камеры составляла 2,28 м, ширина колебалась от 1,6 до 1,72 м. На момент исследования высота камеры в высшей своей точке составляло 1,7 м.

В камере было совершено коллективное захоронение. В ней находились останки трех человек (мужчины, женщины и подростка). Анатомический порядок костяков был нарушен (Рис. 2: 1), большинство костей скелетов (ребра, позвонки, тазовые кости, лопатки) отсутствовали. Некоторые крупные трубчатые кости (берцовые кости мужского костяка) имели следы преднамеренного слома, совершенного в древности. Часть костных останков располагалась в нижних слоях заполнения погребальной камеры на высоте от +0,03 до +0,23 м от пола камеры, т.е. в слое грунта, который со цветом, консистенции и составу соответствовал заполнению первоначального входа (№1) в погребальную камеру. Так, в слоях заполнения камеры были найдены остатки мясной жертвенной пищи в виде костей крупного рогатого скота (+0,13 м), мелкого рогатого скота (+0,23 м), бедренных (+0,23 м) и берцовых (+0,12 м) костей ног людей. При этом большинство найденных человеческих костей было обращено внутренней стороной вверх. На полу камеры лежали, сохранив свою анатомическую целостность, кости ног ниже колен только двух погребенных людей.

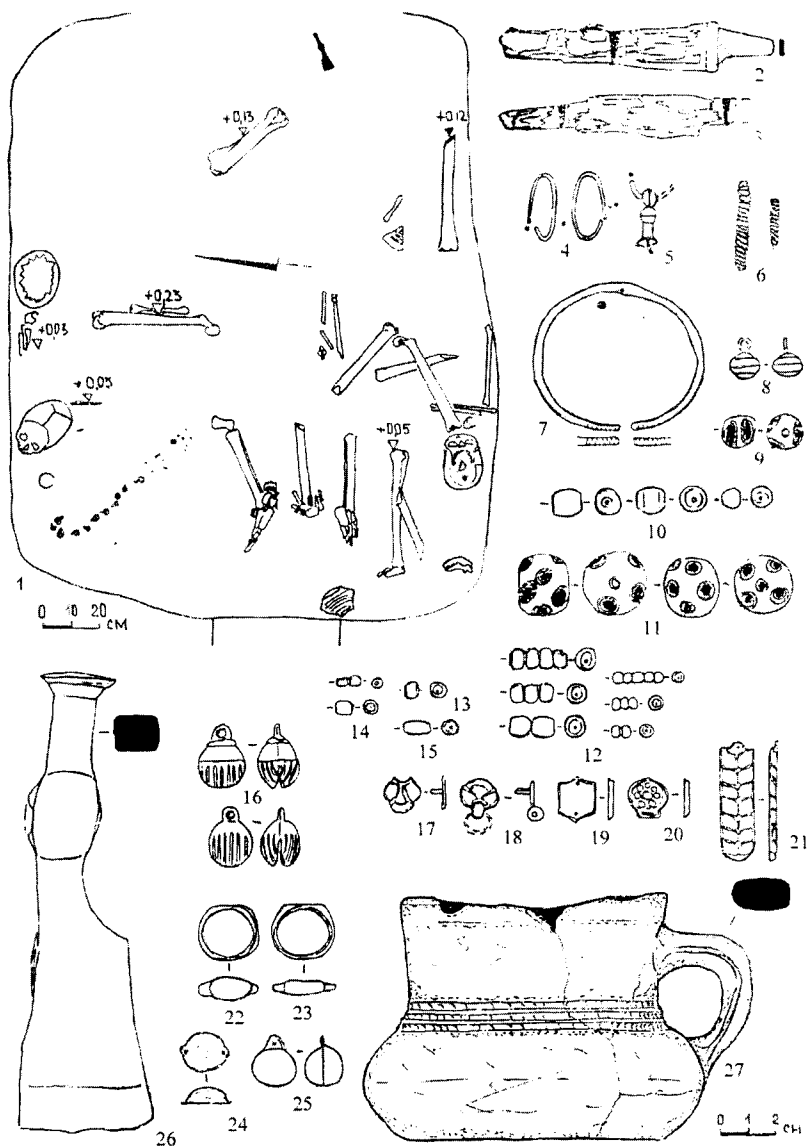

Рис. 2. Катакомба № 109:

1 – план погребальной камеры; 2, 3 – ножи; 4, 5 – серьги;
 6 – пронизи; 7 – браслет; 8 – пуговица; 9 – 15 – бусы; 16 –
 бубенчики; 17 – 20 – поясные бляшки; 21 – наконечник пояса; 22,
 23 – перстни; 24 – бляшка-нашивка; 25 – пуговица-бубенчик; 26 –
 топорик-чекан; 27 – кружка.

Череп женщины и подростка лежали на середине длины у левой боковой стенки камеры, тогда как череп мужчины с отделенной от него нижней челюстью покоился недалеко от правого ближнего угла камеры. Размещение костей, сохранивших свой анатомический порядок, указывает, что умершие были уложены в вытянутом положении на спине ногами ко входу в погребальную камеру. При этом центральное место в камере было отведено под костяк мужчины, о чем свидетельствуют следы присутствия топорика-чекана у западной торцевой стенки камеры и украшений ремешков обуви на стопах ног погребенного. Вдоль южной (правой) боковой стенки камеры располагался костяк женщины, а вдоль северной (левой) боковой стенки лежал костяк подростка. У входа в камеру был найден фрагмент придонной части салтовского столового сосуда (на дне клеймо в виде пентаграммы в круге). Расположение и уровень залегания данного фрагмента сосуда указывает, что, вероятно, данный сосуд был разбит во время первого после погребения проникновения в погребальную камеру. Для катакомб Верхне-Салтовского IV могильника с наличием в восточной части дромоса хода повторного проникновения в погребальную камеру и нарушенным анатомическим порядком костяков характерно отсутствие в погребальных камерах керамических сосудов, которые, если судить по фрагментам керамики из заполнения, изымались из захоронений и преднамеренно разбивались [Аксенов 2002, с. 113].

Погребальный инвентарь представлен личными вещами – бусами (Рис. 2: 9 – 15), браслетом (Рис. 2: 7), перстнями (Рис. 2: 22, 23), штампованными бронзовыми пуговицами-бубенчиками (Рис. 2: 25), полусферическими бронзовыми нашивками (Рис. 2: 24), бронзовыми спиралевидными пронизьями (Рис. 2: 6), деталями поясной гарнитуры (Рис. 2: 17 – 21), черешковыми ножами (Рис. 2: 2, 3), топориком-чеканом (Рис. 2: 26), серьгами и их фрагментами (Рис. 2: 4, 5). Детали поясной гарнитуры, представленные литыми бронзовыми бляшками (Рис. 2: 17), литой бляшкой с подвесным колечком (Рис. 2: 18), двумя штампованными бляшками (Рис. 2: 19, 20), литым наконечником пояса (Рис. 2: 21) типологически и стилистически характерны для II хронологического этапа салтовской культуры [Комар 1999, табл. 4], датируемом концом VIII (с 790 г.) – началом IX вв. [Комар 1999, с. 132]. Эти временем, по-видимому, и следует датировать данный погребальный комплекс.

Приведенный случай позволяет констатировать связь факта

преднамеренного проникновения в погребальную камеру с присутствием в заполнении дромоса второго массива грунта, отличного по составу, консистенции, цвету от первоначального заполнения дромоса, фиксируемого в начальной части дромоса. Данный погребальный комплекс следует рассматривать как свидетельство того, что преднамеренное проникновение в погребальные камеры Верхне-Салтовского катакомбного могильника в древности однозначно совершалось. При этом в случае скатакомбой № 109 показательное присутствие двух одновременных входов-лазов в погребальную камеру, в сочетании с наличием в дромосе хода повторного проникновения, с отброшенным от входа каменным закладом, с анатомическим нарушением целостности людских костяков и изъятием из погребальной камеры отдельных людских костей и вещевого инвентаря. Перечисленные признаки, кроме двух одновременных входов в погребальную камеру, отмечены в целом ряде захоронений Верхне-Салтовского и Рубежанского могильников [Аксёнов 2002, рис. 1 – 9, с. 98 – 109].

В случае с катакомбой № 109 видно, что в погребальную камеру после помещения туда умерших людей преднамеренно проникали, по-видимому, не менее двух раз. Так, первоначально через вход-лаз № 1 в погребальную камеру были помещены тела умерших людей, после чего он был закрыт каменным закладом. Спустя какое-то непродолжительное время через этот же вход было осуществлено первое преднамеренное проникновение в камеру. В результате этого проникновения каменный заклад был отброшен от входа в камеру, проникшие в камеру люди нарушили анатомический порядок костяков умерших, разбили один из сосудов с жертвенной пищей, а второй сосуд (кружку) извлекли из камеры и поставили перед закладом. После совершения этих действий, каменный заклад не был возвращен на свое первоначальное место, но вход повторного проникновения был ими засыпан. Об этом свидетельствует слой чистой светло-зеленой глины без инородных включений перекрывавший дно хода повторного проникновения и закрывший и отброшенный заклад, и вход в погребальную камеру. Линза светло-зеленой глины в середине камеры перекрывала большую часть ее пола и сохранивший анатомический порядок кости ног погребенных людей. Вход-лаз № 2 в камеру появился в результате еще одного преднамеренного проникновения в погребальную камеру. Люди, совершавшие новое проникновение в камеру, шли уже по

засыпанному входу повторного проникновения. Докопав до слоя светло-зеленой глины, они, возможно, приняли его, ориентируясь по окружающему матерiku, за дно дромоса. По-видимому, не заметив забутованого такой же светло-зеленой комковатой глиной вход-лаз № 1, они прорубили свой вход погребальную камеру (№ 2). Высота данного входа (1,03 м) свидетельствует, что на момент прорубания входа № 2 погребальная камера была свободна от грунта почти на всю свою высоту. Нахождение костей в слое светло-зеленоватой глины и на ее поверхности указывает, что проникшие в камеру люди перекапывали находившийся там грунт и извлекали из него отдельные кости и, возможно, вещи. Вопрос о цели проникновения в погребальную камеру, спустя какое-то время после похорон, будет затронут нами ниже.

Нельзя согласиться с заявлением Г.Е. Афанасьева, что наличие двух разных по составу массивом грунта в заполнении дромоса может быть объяснено провалом заклада в камеру с последующим возникновением полости, которая постепенно заполнялась грунтом и водой [Афанасьев 2012, с. 115]. Приведенный исследователем пример с катакомбой № 1 Афоньевского могильника [Афанасьев 2012, с. 116 – 118] следует рассматривать как частный случай. Если образование вторичного заполнения в дромосе после разрушения деревянного заклада на входе в камеру вполне можно допустить, то это никак не могло произойти, если в качестве заклада использовалась каменная плита. Каменный заклад не мог провалиться внутрь камеры по ряду причин: 1) заклад зачастую своими размерами превосходит размеры входного отверстия, ведущего в камеру, а по ширине соответствовал, а иногда и чуть превышал ширину дромоса у входа в камеру; 2) длина входа-коридорчика в погребальную камеру была довольно значительной от 0,15 до 0,5 м. Будучи подпертым с внешней стороны значительным массивом грунта, каменный заклад словно пробка плотно закрывал вход в погребальную камеру и не допускал просачиванию внутрь камеры влаги со стороны дромоса в таком количестве и с такой интенсивностью, чтобы она смогла размыть стенки входа-коридорчика до такой степени, что заклад просто провалился бы в камеру.

Против этого тезиса Г.Е. Афанасьева однозначно свидетельствуют факты нахождения плит каменных закладов и остатков деревянных закладов на дне хода повторного проникновения в погребальную

камеру [Аксенов 2002, с. 99, рис. 1: 1; 2: 1, 3; 3: 3; 4: 1; 5: 3; 6: 1, 3; 8: 1; 9: 1, 3], а не внутри самих камер. Из исследованных на сегодня 114 погребальных комплексов Верхне-Салтовского IV могильника каменные заклады были обнаружены в 30 катакомбах, еще в трех катакомбах – были зафиксированы останки деревянных закладов. При этом каменные заклады закрывали вход в погребальную камеру только в двух катакомбах - № 18 и № 96. В остальных случаях 28 каменных и три деревянных заклада находились на дне вторичного заполнения дромоса, соответствующего ходу повторного проникновения в погребальную камеру. Таким образом, возникновение вторичного заполнения в дромосе связано с преднамеренными действиями людей, а не обусловлено провалом внутрь камеры заклада в силу каких-то причин естественного характера.

Не находят объяснения, в контексте этих рассуждений Г.Е. Афанасьева, и те случаи, когда заклад продолжал закрывать вход в погребальную камеру, а костяк единственного погребенного в камере человека носит следы преднамеренного разрушения (кат. № 3 Верхне-Салтовского основного некрополя, раскопки 1948 г.; кат. № 15 Старо-Салтовского могильника; кат. № 18 Верхне-Салтовского IV некрополя) [Семенов-Зусер 1948, с. 31; Аксенов 1999, рис. 2: 26; Колода 2004, рис. 1: 1; 2: 1]. В этих случаях после повторного проникновения в камеру, которое сопровождалось нарушением целостности костяка помещенного в ней человека, заклад был преднамеренно возвращен на свое первоначальное место. При этом одна из плит заклада в кат № 3 ВСМ из раскопок 1948 г. оказалась все же приставленной, судя по приведенному в отчете чертежу, к задней стенке хода повторного проникновения в погребальную камеру, а в катакомбе № 18 ВСМ-IV – находилась в заполнении хода повторного проникновения в погребальную камеру [Колода 2004, рис. 1: 1].

К тому же наблюдения на Верхне-Салтовском некрополе показали, что все зафиксированные на могильнике современные провалы образовались над погребальными камерами, а не в месте перехода дромоса в погребальную камеру, как это имело место в катакомбе № 1 Афоньевского могильника [Афанасьев 2012, рис. 2, 5]. Так, по провалам над двумя погребальными камерами (катакомбы № 1, 2) был открыт Верхне-Салтовский IV могильник в 1989 году [Бородулин 1989, с. 24]. По провалам над погребальными

камерами были обнаружены и раскопаны сверху катакомбы № 55, 68, 69, 111 того же Верхне-Салтовского IV некрополя [Аксенов 2000, с. 8 – 10; Аксенов 2003, с. 2 – 7; Аксёнов 2012, с. 21 – 25]. В данных погребальных камерах были зафиксированы как преднамеренно нарушенные человеческие скелеты (№ 1, 55, 68, 69, 111 – верхний слой), так и скелеты, лежавшие в полном анатомическом порядке (№ 2, 111 – нижний слой) [Аксёнов 2011, рис. 3; Аксенов, Хоружая 2008, рис. 1: 2]. Нарушение анатомического порядка человеческих костяков в этих катакомбах не было связано с рухнувшим сводом погребальных камер.

В ряде случаев были зафиксированы старые провалы над погребальными камерами в виде западин (катакомбы № 30, 72, 92, 94), которые к моменту их исследования уже затянулись грунтом и поросли луговой растительностью. О провалах над камерами в данных случаях свидетельствовали пятна темного цвета округлой или овальной формы, расположенные выше по склону, на небольшом расстоянии от торца пятна дромоса. Вскрытие этих пятен показало, что все они имеют форму сужающегося к низу конуса. Размеры и глубина затянувшихся провалов над погребальными камерами зависела от размеров самой погребальной камеры и глубины, на которой она находилась. Так, затянувшаяся западина над погребальной камерой катакомбы № 30 (дна камеры на глубине -3,95 м от уровня современной поверхности) была размером 1,5 x 1,7 м при глубине 1,4 м. Затянувшаяся западина на камерой катакомбы № 94 имела размеры 1,2 x 0,85 и достигала глубины -1,6 м от уровня современной поверхности, а пол погребальной камеры находился на глубине – 2,02 м (Рис. 3: 2). Во всех отмеченных случаях между дном погребальной камеры и дном западины над камерой располагался мощный слой плотной материковой глины (от 0,6 до 2,55 м), который перекрывал человеческие останки и не позволял воздействовать на них проникавшим в возникшую западину атмосферным и поверхностным водам, как это предполагает Г.Е. Афанасьев [Афанасьев 2012, с. 115].

В качестве примера можно привести катакомбу № 94, в дромосе которой отсутствует вход повторного проникновения, а над погребальной камерой образовалась западина, которая к моменту исследования погребального комплекса затянулась землей (Рис. 3: 2). Катакомба была обнаружена по пятну дромоса на глубине 1,0 м (восточный край) – 0,7 м (западный край) от современной

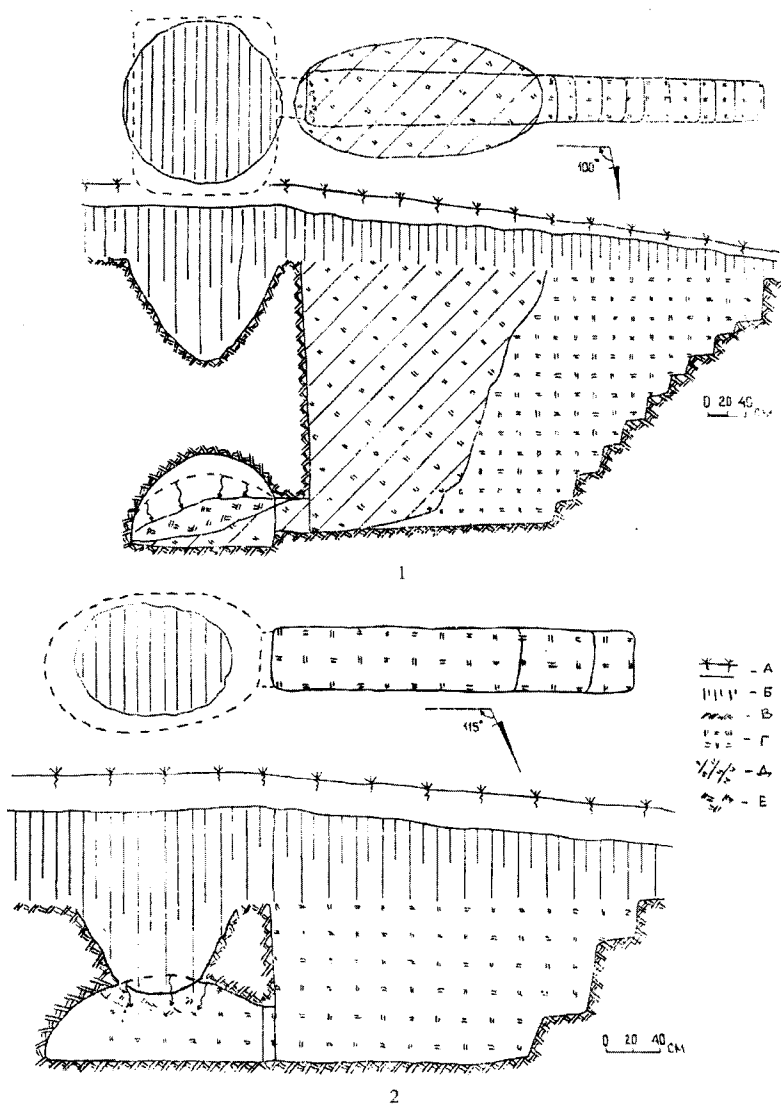

Рис. 3. Првалы над погребальными камерами катакомбных захоронений № 92 и № 94:

1 — катакомба № 94; 2 — катакомба № 92. А — дерн; Б — чернозем; В — материк; Г — первоначальное заполнение дромоса; Д — заполнение хода повторного проникновения в погребальную камеру; Е — рухнувший свод погребальной камеры.

поверхности почвы. Дромос был ориентирован по склону оврага по линии восток – запад с незначительным отклонением к югу (азимут 115°). На уровне обнаружения он в плане имел форму вытянутого прямоугольника с закругленными углами размерами 2,7 x 0,4 м. Заполнение дромоса светло-серого цвета состояло из материковой глины перемешанной с черноземом. В заполнении встречались мелкие кусочки природной извести. По цвету заполнение дромоса лишь незначительно отличалось от окружающего материка. Заполнение однородное до самого дна. В западной, расположенной ниже по склону, части дромоса было зафиксировано две ступеньки. От последней ступеньки дно дромоса было горизонтальным до самой восточной торцевой стенки. Первая ступенька была зафиксирована на 0,3 м ниже уровня обнаружения пятна дромоса. Размеры (ширина/высота) ступенек следующие: первой – 0,4/0,55 м; второй – 0,37/0,35 м. Глубина дромоса у восточной торцевой стенки, где находился вход в погребальную камеру, составляла 2,1 м от современной поверхности почвы. Вход-коридорчик шириной 0,4 м и глубиной 0,1-0,12 м, вырубленный в восточной торцевой стенке дромоса, вел в погребальную камеру. Камера по отношению дромоса была продольная, ее длинная ось почти совпадала с длинной осью дромоса (азимут 110°). В плане погребальная камера имела форму эллипса размером 1,71 x 1,05 м. Пол камеры находился на одной уровне с дном дромоса.

В погребальной камере было произведено парное захоронение (Рис. 4: 1). Костяки принадлежали молодой женщине и ребенку 2–3 лет. Погребенные были уложены в вытянутом положении на спине ногами ко входу в погребальную камеру. Костяк женщины с прямыми ногами и вытянутой вдоль тела левой рукой располагался параллельно правой боковой стенки камеры. Ее правая рука был слегка отведена в сторону так, что ее кисть перекрывали кости левой руки ребенка. Какой-либо погребальный инвентарь при костяке женщины отсутствовал.

Костяк ребенка с вытянутыми вдоль тела руками и прямыми ногами лежал вдоль левой боковой стенки камеры. В отличие от женщины ребенка сопровождали личные украшения. Так, у его черепа была обнаружена бронзовая бляшка-нашивка (Рис. 4: 7), которая украшала в древности матерчатую налобную повязку. В районе нижних ребер были расчищены остатки ожерелья, которое состояло из четырех бисерин синего цвета (Рис. 4: 2, 3), одной

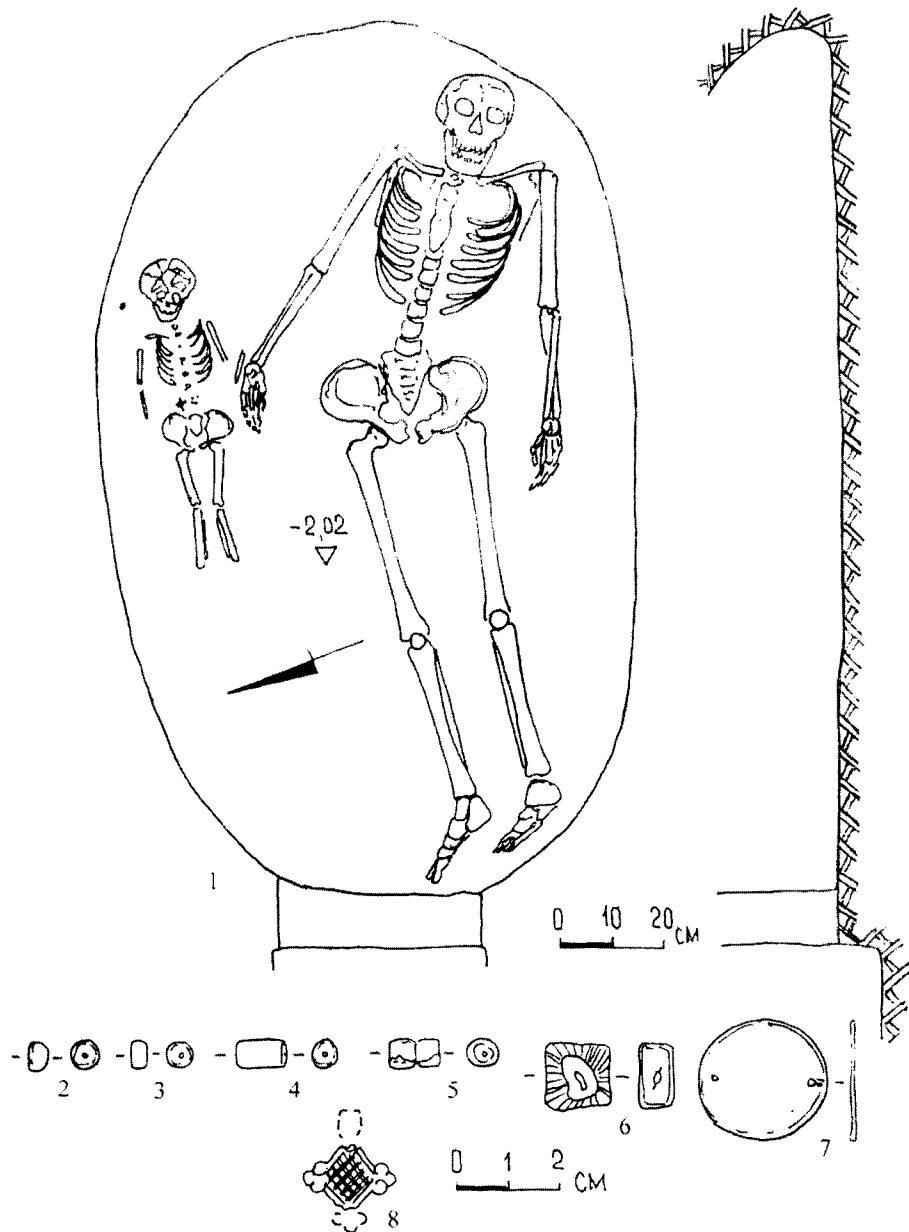

Рис. 4. Катакомба № 94:
1 – план погребальная камера; 2 – 6 – бусы; 7 – бляшка-нашивка;
8 – крестовидная подвеска.

2-х секционной стеклянной бусины серебристого цвета (Рис. 4: 5), одной стеклянной цилиндрической бусины зеленоватого цвета (Рис. 4: 4), одной плитчатой глазчато-полосатой бусины плохой сохранности (Рис. 4: 6). В состав ожерелья входила крестовидная подвеска плохой сохранности из оловянно-свинцового сплава (Рис. 4: 8). По инвентарю захоронение датируется рамками IX века.

Приведенный случай свидетельствует, что провал над погребальной камерой, и последующее проникновение в западину над камерой атмосферных и поверхностных вод вместе с грунтом, не привели к нарушениям анатомического порядка человеческих костяков того порядка, с которым мы сталкиваемся в катакомбных захоронениях, в дромосах которых отмечены два массива заполнения. Примером, может служить катакомба № 92.

Катакомба № 92. Катакомба обнаружена по темному пятну заполнения провала над погребальной камерой. Пятно провала над камерой было зафиксировано на глубине 0,4 м от уровня современной поверхности почвы. На уровне фиксации пятно провала имело округлую форму размерами 1,4 м (по линии восток – запад) – 1,5 м (по линии север – юг) (Рис. 3: 1). Пятно дромоса было выявлено ниже по склон Нетечинского яра на глубине 0,8 м (восточный край) – 0,3 м (западный край) от современной поверхности почвы. Дромос ориентирован по склону оврага по линии восток – запад с незначительным отклонением (азимут 100°). На уровне обнаружения пятно дромоса в плане имело «булавовидную» форму из-за наличия в его восточной части хода повторного проникновения в погребальную камеру (Рис. 3: 1). Общая длина дромоса составляла 4,88 м. Не потревоженная перекопами западная часть дромоса размерами 2,3 x 0,4 – 0,5 м имела форму вытянутого прямоугольника с закругленными углами. Заполнение этой части дромоса состояло из материковой глины с незначительными вкраплениями чернозема. По цвету заполнение начальной части дромоса лишь незначительно отличалось от окружающего материка. Ход повторного проникновения в погребальную камеру располагался в восточном краю дромоса, выше по склону, и выделялся своим более темным цветом. Ход повторного проникновения в плане имел форму овала. Цвет заполнения хода повторного проникновения в камеру – темно-серый, пятно хорошо выделялось на фоне окружающего материка и отличалось по цвету от заполнения начальной части дромоса.

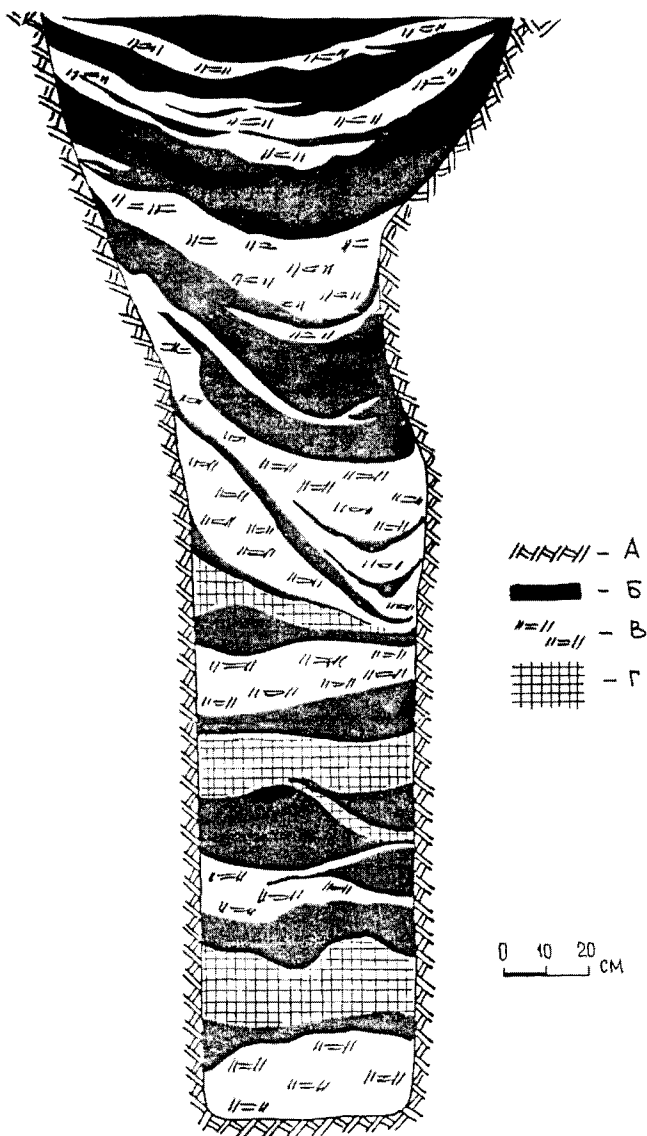

Рис. 5. Стратиграфия заполнения хода повторного проникновения в погребальную камеру катакомбы № 92 (на удалении 0,5 м от торцевой стенки дромоса):
А – материк; Б – чернозем с незначительным вкраплениями глины;
В – рушенная глина с вкраплениями чернозема; Г – материковая глина с мелкими включениями извести.

Размеры хода повторного проникновения в погребальную камеру на уровне фиксации: длина – 2,58 м, ширина максимальная – 1,3 м. Заполнение хода повторного проникновения слоистое, с наклоном слоев грунта в сторону входа в погребальную камеру. Контрольная стенка была оставлена на расстоянии 0,5 м от восточного торца дромоса. Стратиграфия заполнения хода повторного проникновения показала, что заполнение состоит из чередующихся между собой слоев почти чистого чернозема, слоев материковой глины с большей или меньшей примесью чернозема и слоев чистой материковой глины с вкраплениями мелких кусочков извести (Рис. 5). Чередование слоев, их наклон говорят о том, что ход повторного проникновения в погребальную камеру заполнялся не естественным образом (затек грунта), а был преднамеренно засыпан в древности. В заполнении хода повторного проникновения на глубине -1,45 м от современной поверхности почвы и на расстоянии 2,02 м от восточной торцевой стенки дромоса была обнаружена трубчатая кость взрослой особи крупного рогатого скота. На глубине -3,5 м от уровня современной поверхности почвы в заполнении хода повторного проникновения в камеру на расстоянии 0,08 – 0,1 м от восточной торцевой стенки дромоса были зафиксированы отдельные фаланги пальцев человека и бронзовая копоушка (Рис. 6: 3). Дно хода повторного проникновения было наклонным и достаточно четко фиксировалось по плотному натоптанному заполнению темно-серого цвета с вкраплениями мелких древесных угольков.

Дно дромоса – комбинированное (Рис. 3: 1). В западной начальной части дромоса было зафиксировано девять ступенек, от последней ступеньки дно дромоса полого (под углом около 2 – 3°) спускалось к входу в погребальную камеру. Глубина дромоса у входа в погребальную камеру составляла -3,55 м от современной поверхности почвы. В заполнении западины над провалом камеры встречались фрагменты лощеного сосуда серого цвета. Так, на глубине 0,2 м было обнаружено 2 фрагмента, 0,4 м – 4 фрагмента, 0,6 м – 3 фрагмента, 0,8 м – 1 фрагмент, 1,0 м – позвонок и трубчатая кость крупного рогатого скота.

В восточной торцевой стенке дромоса располагался вход в погребальную камеру: он был арковидной формы, дно совпадало с дном дромоса. Размеры входа в погребальную камеру следующие: высота – 0,35 м, ширина – 0,52 м при ширине дромоса – 0,58 м,

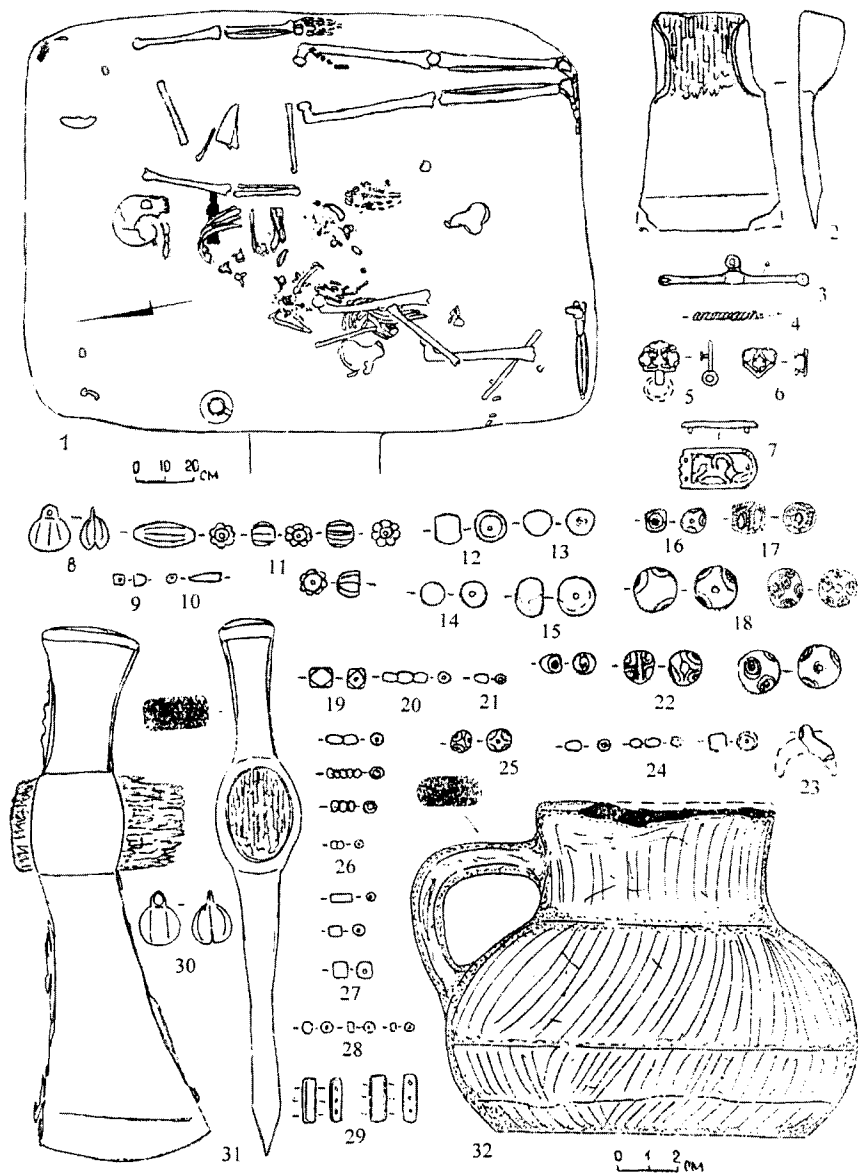

Рис. 6. Катакомба № 92:

- 1 – план погребальной камеры; 2 – тесло-мотыжка; 3 – копоушка; 4 – принизь; 5, 6 – поясные бляшки; 7 – наконечник пояса; 8, 30 – бубенчики; 9 – 29 – бусы; 31 – топорик-чекан; 32 – кружка.

длина (глубина) входа-коридорчика – 0,38 м. Заполнение входа в камеру было слоистым и соответствовало своим составом, цветом, консистенцией заполнению хода повторного проникновения.

Погребальная камера, поперечная по отношению к дромосу, в плане прямоугольная с закругленными углами (Рис. 6: 1). Размеры камеры – 1,9 x 1,5 м. Высота камеры, судя по наклону стенок в нижней части, составляла около 1,1 – 1,2 м. Пол камеры ровный, фиксировался на 0,18 м ниже входа в камеру и находился на глубине -3,73–3,75 м от уровня современной поверхности почвы. Заполнение камеры у дна соответствовало слоистому заполнению хода повторного проникновения. Сверху оно было перекрыто слоем чистой материковой глины – рухнувшим сводом погребальной камеры.

Камера содержала парное захоронение (мужчина + женщина) (Рис. 6: 1). Костяки обоих погребенных подверглись в древности преднамеренному разрушению. По сохранившимся лежать на своих первоначальных местах костякам людей видно, что умершие первоначально были уложены в вытянутом положении на спине головой влево от входа.

Погребение №1 принадлежало мужчине. Первоначально умерший был уложен в вытянутом положении на спине вдоль восточной торцевой стенки камеры, почти вплотную к ней. Преднамеренному разрушению подверглась верхняя часть костяка. Так, была полностью разрушена грудная клетка, позвоночный столб, таз. Кости этих частей скелета отсутствовали в камере – возможно, они были изъяты в древности при повторном проникновении в камеру. Руки погребенного мужчины были вытянуты вдоль тела. Кисть правой руки, сохранившая анатомический порядок, была отделена от костей предплечья и располагалась в 0,2 м южнее головок локтевой и лучевой кости правой руки. Ноги прямые, упирались ступнями в южную боковую стенку камеры. Череп в разрушенном состоянии был найден в левом дальнем углу камеры. В целом сохранность костей плохая. При костяке обнаружен следующий погребальный инвентарь: выше локтя правой руки – железный топор-чекан с остатками деревянной рукоятки в проушине, обращенный лезвием в сторону входа в камеру (Рис. 6: 31); с внутренней стороны верхней части левой бедренной кости – четыре бронзовые литые поясные бляшки сердцевидной формы (Рис. 6: 6) и бронзовый прорезной наконечник поясного ремня (Рис. 6: 7); у кисти правой руки и на

месте правой безымянной тазовой кости – четыре бронзовые литые поясные бляшки сердцевидной формы (Рис. 6: 6) и пять бронзовых поясных бляшек с подвижным колечком (колечки отсутствовали) (Рис. 6: 5). На костях кисти правой руки был зафиксирован браслет, состоящий из двух бронзовых литых бубенчиков (Рис. 6: 30), семи стеклянных бусин (глазчатых, глазчато-полосатых, с металлической прокладкой) и двух бус из роговика (Рис. 6: 16 – 18, 22). Данный браслет был дополнен обломанной в древности стеклянной подвеской-лунницей синего цвета (Рис. 6: 23).

Погребение № 2 принадлежало женщине. Умершая женщина первоначально была уложена в вытянутом положении на спине параллельно с погр. № 1. Костяк погребенной женщины в древности подвергся полному преднамеренному разрушению. Свое первоначальное местоположение сохранила только бедренная кость правой ноги. Череп погребенной женщины перемещен к правому плечу погребенного мужчины и покоился на левой височной кости, лицевыми костями в сторону восточной торцевой стенки камеры. Тазовые кости разбросаны. Так, правая безымянная тазовая кость находилась в 0,32 м от южной и в 0,63 м от восточной стенки камеры; левая безымянная тазовая кость располагалась в 0,21 м к востоку от входа в камеру. Часть костей грудной клетки погребенной образовывали кучу в районе локтя костяка № 1. Вторая часть костей грудной клетки лежала кучкой под левой безымянной тазовой костью. Здесь же лежала и бедренная кость левой ноги. Большая и малая берцовые кости, кости стопы левой ноги сохраняли анатомический порядок и лежали вдоль правой боковой стенки камеры, ближе к правому ближнему ее углу. Длинные трубчатые кости обеих рук были разбросаны по камере: кости левой руки располагались в районе грудной клетки и пояса скелета № 1, а кости правой руки образовывали одно скопление с бедренной костью левой ноги женщины. Одна из ключиц погребенной женщины лежала в левом ближнем углу камеры, вторая – в 0,47 м к востоку, по поперечной оси, от входа в камеру. Сохранность костей плохая. Умершую женщину сопровождал следующий погребальный инвентарь: рядом с раздавленным черепом были найдены мелкие фрагменты двух бронзовых сережек (рассыпались при изъятии); среди костей грудной клетки были обнаружены четыре бронзовых литых бубенчика (Рис. 6: 8); три бронзовых спиралевидных пронизи (Рис. 6: 4), железное тесло-мотыжка (Рис. 6: 2), стеклянные и

сердоликовые бусы (Рис. 6: 9 – 15, 24 - 29). Слева, сразу у входа в камеру, ручкой ко входу стояла салтовская лощеная кружка черного цвета (Рис. 6: 32). Инвентарь позволяет датировать погребальный комплекс второй – третьей четвертью IX века.

В описанном случае нарушение анатомического порядка человеческих костяков однозначно связано с присутствием в дромосе входа повторного проникновения в погребальную камеру. Разрушение человеческих костяков произошло не в результате гидродинамических процессов в грунте, о чем свидетельствует положение костных останков и их состав. Аналогичная картина наблюдается и в катакомбах № 30, 72, над погребальными камерами которых были зафиксированы западины, образовавшиеся в результате обвалов их свода [Аксенов 1999, с. 218 – 220, рис. 1; Аксенов, Хоружая 2005, с. 288 – 294, рис. 1: 2].

Приведенные случаи показывают, что нарушение анатомического порядка костяков связано с присутствием в дромосе входа повторного проникновения в погребальную камеру, в следствии чего в нем отмечается наличие двух массивов заполнения – первоначального, расположенного в начальной части дромоса и вторичного, занимающего место у торцевой стенке, где находится вход в погребальную камеру. При этом стратиграфия заполнения хода повторного проникновения в погребальные во всех случаях представлена чередующимися между собой слоями разного по составу и мощности грунта (Рис. 5). Данную слоистость заполнения хода повторного проникновения, с наклоном слоев в сторону одной из боковых стенок дромоса, не может быть объяснена естественными причинами, а возникла в результате преднамеренной засыпки хода. Такую слоистость заполнения можно наблюдать в старых раскопах, которые забрасывались, ранее вынутым из них грунтом с одной из сторон.

Таким образом, проникновение в погребальные камеры, как свидетельствуют материалы Верхнего Салтова, спустя какое-то время после помещения туда покойников осуществлялось. Люди, совершившие проникновение в камеры, вскрывали только ту часть дромоса, которая примыкала непосредственно к погребальной камере. Таким образом, можно предположить, что дромос катакомбного захоронения на поверхности земли имел какие-то обозначения, что облегчало проникавшим определение начальной и конечной части дромоса. Для облегчения своей работы, люди,

проникавшие в камеры, вскрывали только часть дромоса, непосредственно примыкающую к погребальной камере, что вполне объяснимо - рушенный грунт копать легче. Также поступают и современные грабители (пример; катакомба № 88 ВСМ-IV) [Аксенов 2009, с. 7 – 8, табл. 5, 6; Лаптев, 2012, с. 48 – 50]. Попытки современных грабителей проникнуть в погребальную камеру чрез ее свод, во всех зафиксированных нами случаях (кат. № 55, 68, 69 ВСМ-IV) не были доведены ими до конца из-за больших объемов земляных работ и трудностей работы с плотной материковой глиной даже современным шанцевым инструментом.

Однако, как правильно заметил Г.Е. Афанасьев, мотивация такого проникновения могла быть разной (подзахоронение, ограбление, осквернение, «ритуальное вскрытие», вторичный обряд погребения и т.д.) (Афанасьев, 2012. С. 114). Поэтому определять цель проникновения следует в каждом конкретном случае отдельно.

Размеры статьи не позволяют нам обратиться к материалам Верхне-Салтовского могильника, иллюстрирующим случаи проникновения в погребальные камеры для проведения подзахоронений, вторичного обряда погребения, осквернения. Это я планирую сделать в следующих своих работах, что позволит, как я надеюсь, подойти к решению вопроса о причинах разрушения людских костяков в катакомбных захоронениях салтово-маяцкой культуры региона. Пока же, приходится констатировать, что наиболее явным доказательством преднамеренного проникновения в катакомбу является присутствие в ее дромосе двух разных по составу и структуре массивов грунта, а также нахождение на дне позднейшего вкопа отброшенного от входа каменного или деревянного заклада.

Литература

Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua*. 1999. № 2.

Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. 2002. № 3.

Аксенов В.С. Отчет об археологических исследованиях Харьковского исторического музея. Харьков, 2003. // Архив ХИМ.

Аксенов В.С. Отчет об археологических исследованиях

Верхне-Салтовского и Нетайловского могильников салтовской археологической культуры в 2008 г. Харьков, 2009. // Архив ХИМ.

Аксёнов В.С. Новые материалы к постпогребальной обрядности аланского населения Подонцовья (по материалам Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Харків, 2011.

Аксёнов В.С. Отчет об археологических исследованиях раннесредневековых памятников экспедицией Харьковского исторического музея в 2011 г. Харьков, 2012. // Архив ХИМ.

Аксенов В.С., Хоружая М.В. Катакомба № 72 Верхне-Салтовского могильника // Древности 2005. Харьков, 2005.

Аксенов В.С., Хоружая М.В. К вопросу о количестве катакомбных могильников у с. Верхний Салтов // Проблемы археологии Восточной Европы. К 85-летию Бориса Андреевича Шрамко. Харьков, 2008.

Афанасьев Г.Е. Забота о предках или стремление избавиться от них? (К дискуссии по исторической интерпретации разрушенных скелетов Маяцкого могильника) // Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции / Отв. ред. В.И. Гуляев. М., 2010.

Афанасьев Г.Е. Спорные вопросы в методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры // РА. 2012. № 2.

Бородулин В.Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника, расположенного на территории колхоза «Украина» Волчанского района в 1989 г. Харьков, 1989. // Архив Института археологии АН УССР, ф. 23625.

Колода В.В. Исследования раннесредневековых катакомбных захоронений близ с. Верхний Салтов в 1996 г. // Хазарский альманах. Киев – Харьков, 2004. Т. 3.

Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua. 1999. № 2.

Лаптев А.А. Попытки ограбления IV-го Верхне-Салтовского катакомбного могильника // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження Випуск 2. Харків, 2012.

Семенов-Зусер С.А. Раскопки катакомбного могильника в 1948 г. в с. Верхний Салтов // Архив МАЭСУ.

Флёров В.С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М., 1984.

Флёров В.С. Маяцкий могильник (раскопки 1979 г.) // Маяцкий

археологический комплекс. М., 1990.

Флёров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград, 1993.

Флёров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V – VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М., 2000.

Флёров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в н.э. М., 2007.

Список сокращений:

МАЭСУ – Музей археологии и этнографии Слободской Украины
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

РА – Российская археология

ХИМ – Харьковский исторический музей

Аксёнов В.С.

До питання про повторне проникнення до катакомбних поховань салтівської культури Подонцов'я (за матеріалами Верхньо-Салтівського могильника)

Резюме

У роботі на матеріалах останніх років розкопок Верхньо-Салтівського некрополя показується, що присутність в дромосах катакомбних поховань двох масивів заповнення не може бути пояснена провалом закладу у поховальну камеру з подальшим виникненням порожнини, котра поступово заповнювалась ґрунтом та водою. Два різних за структурою та складом масиву заповнення пов'язані з навмисним розриванням частини дромосу для повторного проникнення до поховальної камери. Наслідком такого повторного проникнення до поховальної камери, у більшості випадків, є порушення анатомічного порядку людських кістяків. Мотивація проникнення до поховальної камери могла бути різною (нове поховання, пограбування, опоганення, «ритуальна руйнація», повторний обряд поховання тощо). Тому визначати цілі проникнення слід у кожному випадку окремо.

Aksyonov V.S.

**About the question of re-entry to the catacomb burial of
Saltov culture of Podontsovyia
(based on the Verchne-Saltovskiyi (Upper Saltovskiyi) burial)**

Summary

In the work on the materials of recent years excavations of Verchne-Saltovskogo (Upper Saltovskogo) burial it is proved that the presence of filling in the catacomb burials' dromos of two arrays can not be explained by the drop of the soak to the camera followed by the appearance of the cavity, which gradually had been filling with soil and water. The filling of two different in structure and constituents arrays was connected with the deliberate opening of the dromos' part in order to re-enter to the burial camera. The result of this re-entry to the camera, as a rule, was a disorder of human anatomical skeleton. The motivation of deliberate entry to the burial camera could be different (multiple burial, robbery, defilement, "ritual opening", secondary burial rites etc.). Therefore, in order to determine the purpose of the entry, each case should be considered and analyzed separately.